

ФЕДОР АБРАМОВ
КАК ЛУКЕША СВОЮ МАНЬКУ ЗАМУЖ ВЫДАЛА

Рассказ

Кончила техникум, работы близко от дома нету, услали в чужой район. Ну в чужой и в чужой. Не ты первая, не ты последняя. Нонь не старое время: самолет. Было бы желанье — на выходной домой можно.

Ну ладно, уехала у меня Марея. В отпуска приезжает, на выходные приезжает, а пошто она замуж-то не выходит? Три года как учење кончила, три года на стороне живет, а все одна.

Я думала-думала — надумала: дай-ко к ней съезжу погляжу, что у ей за жира. Пошто ни один парень не рад моей девке? Красоты большой нету, да и негаведна. Руки, ноги на месте и все остальное не хуже, чем у людей. Шуба — пятьсот пятьдесят рублей давано, сапожки теплые сто двадцать рублей, платок пуховой. И здоровьем не обижена: добрый конь.

Поехала. У коров взяла отпуск (всю жизнь скотницей роблю), отца с малыми на самообслуживание поставила.

Вот добралась до Манькиного поселка. Быстрехонько, за один день. Улицу нашла, дом нашла. А как в дом зайти? Все крыльцо снегом завалено, под саму крышу сугробы, только вот эдакая вот тропиночка протоптана. Как ручеек.

Увидела — дед из соседнего дома вышел.

— Уважаемый, — говорю, — живут, нет здесь девушки?

— Живут, — говорит. — У ихнего крыльца стоишь.

— А вход-то, — говорю, — к ним с двора, что ли?

— Пошто со двора? С этого крыльца.

Я больше слов не сорила. Разгорячилась, распалилась — одним махом на лестницу взлетела, на втором этаже живут, а там в избу да не то палку, не то веник схватила да давай-давай утюжить Маньку. Это вместо здорованья-то. Пять кобыл живут в общежитии: кто на койке лежит, кто курит, кто на гитаре брякает... Вот какая у них вольница!

— Мама, мама, не сходи с ума! — Это Манька-то мне.

Нет буду, буду сходить! Да вы откуда, говорю, понаехали? От каких матерей-родителей? Да неужели же, говорю, вас дома ничему не учили? Лежите, срамницы, крыльцо запало снегом, в дом не попасть. Все, все, говорю, за лопаты! До единой!

Выгнала. Даже одеться не дала. В одних платишках выскочили.

Живехонько разгребли. Не дорожки — улицы на весь мир побежали.

Умеют. Ведь они из деревни все. Это тут без материного-то глаза обленились, волю забрали, а дома-то они чуть на ноги встали — лопата в руки...

Ну и все. И женихи нашлись. Я вечером-то того же дни из бани возвращаюсь, тоже и я лопатой орудовала, вся употела, — у них полно ребят. Негде сесть.

Вот так, говорю, и живите, чтобы к вам со всего света дороги вели, а я поеду. Меня коровы ждут, дома ждут.

Уехала.

И вот не знаю, прожила я, нет недели-то три дома, от Маньки письмо: мама, я замуж выхожу. А вскорости по ейным-то следочкам и другие побежали. И общежитие распалось. Да...

Ну дак уж, тут летом Манькины подруги в гости приезжали, было у нас смеху.

— Ты, ты, — говорят, — Кирилловна, нас замуж выдала. По твоим дорогам к нам женихи побежали.

А может, и по моим? Может, еще и теперь бы в девках сидели, кабы я порядка не навела?